
Юрий ГРОМЫКО

ОБЩЕСТВО РАЗВИТИЯ
Сценарий России для мира
в 2030 году

Анализ футуристических сценариев, прогнозирование будущего очень часто связаны с простой и изощренной экстраполяцией, переносом из дня сегодняшнего в день завтрашний повторяющихся изменений. Если футуролог способен за хаосом изменений увидеть некоторую устойчивую структурную амальгаму событий, констелляцию факторов, он, как правило, переносит ее в виде тенденции в ожидаемое грядущее, усиливая накапливающиеся изменения до жесткого схематизма. Подобный подход вполне удовлетворительно работает при опоре прежде всего на преобразования технологических систем, а также при анализе институциональных последствий.

Попытка же увидеть, каким будет через 22 года активное действие поколения, членам которого сегодня от 16 до 35 лет, требует особого жанра – футурологии живой субъектности в истории. Такая футурология предполагает диагностику состояний исторической общности-поколения, определение тех скрытых форм воздействий на энергетику сознания людей (включенных в эту общность), которые связываются с историческими архетипами сознания, а также попытку ответить на вопрос: кем себя данная общность помыслит и кем она себя обретет в поле практического действия. Поскольку в раз-

мышлениях о футурологии живой субъектности еще более жестко, чем где бы то ни было, действует максима Иоганна Готлиба Фихте: «Кем себя помыслишь, тем и будешь. Помыслишь себя бревном, будешь бревном».

ПРОСНЕТСЯ ЛИ РОССИЯ ДО 2030 ГОДА?

Многие сегодня утверждают, что Россия спит. Что подлинной активизации и мобилизации населения не происходит. Народ вяло отнесся к недавним думским выборам – к «транзиту доверия» (Глеб Павловский) от Владимира Путина к его окружению. Видимо, совсем без энтузиазма пройдут выборы и нового президента.

Пожалуй, действительно Россия ныне спит и безмолвствует. Молчит, как народ в гениальной пушкинской трагедии «Борис Годунов». «А что говорить, когда нечего говорить?» Не случайно Сергей Кургинян, анализирувавший ген бунта и революций в своем «Театре на досках», так долго и тщательно изучал комбинирование персонажей и лиц в этом произведении, когда один актер мог исполнять сразу несколько ролей. Сам переход от молчания населения к народному бунту заслуживает весьма пристального внимания. Да и вообще переходы человеческих сообществ от одних форм к другим – между Бегемотом революции и Левиафаном тоталитарного государства – составляют важнейший предмет англосаксонского уразумения, начиная с родоначальника политической философии Томаса Гоббса.

Существуют сон наяву (так называемый *day dream*) и сон со сновидениями. Сон со сновидениями может интерпретироваться по-разному: как свинцовое дурманящее забытье, как подготовка к будущему серьезнейшему выбору, как оставление этого мира и переход в вечность, как выздоровление и накопление сил после тяжелейшего истощения и истерического неистовства, как возвращение к себе и нахождение во сне своей собственной идентичности и архетипа. Но со сном со сновидениями все проще – он резко противопоставлен состоянию бодрствования. Для самосознания есть либо сон, либо бодрствование, за исключением случаев деперсонализации и расщепления личности. А вот со сном наяву все иначе. Человек может спать, находясь в состоянии бодрствования. В свое время я пере-

сказал выдающейся личности, человеку, у которого я учился в тот период, – Георгию Щедровицкому – отношение к советским ребятам студента Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы из Боливии. Он сказал буквально следующее: «Вы, советские люди, все время спите. У вас нет полноты мобилизации и полноты присутствия в ситуации почти никогда. Ухаживаете за девушкой – спите, садитесь в автобус – спите, выполняете задания начальника – спите, пишете статьи – спите». Эта байка боливийца в дальнейшем стала одной из любимых реприз Георгия Петровича, которую он постоянно рассказывал на оргдеятельностных играх.

Обратной стороной сна наяву, разбавляющего бодрствующее сознание и понижающего его уровень, является отсутствие глубокого полноценного сна-забвения со сновидениями. С одной стороны, сознание почти никогда не спит, оно бодрствует, а с другой стороны, бодрствует на очень низком уровне пробужденности и трезвления. Конечно, после пробуждения души сама архитектоника такого сознания может полностью перестроиться – а промоленное протрезвленное сознание способно довольствоваться только небольшими паузами глубокого сна. Но это психофизиология другого сознания, по крайней мере не сознания неврастеника, который мучается бессонницей и грезит наяву. Было бы очень хорошо, если бы истощенное постсоветское сознание русских людей погрузилось в оздоравливающую летаргию. Но никаких подобных признаков мы не видим. То, что значительные массы людей не прореагировали на трескотню о самообогащении и не стали заниматься поголовным воровством и продажей детей на органы, а также очень вяло отнеслись к бравурным призывам партийного строительства, развернутого начальниками всех мастей, еще ни о чем не говорит. Стимулы для пробуждения слабые, контакта с историческим архетипом – пусть болезненным и страшным, но оздоравливающим – пока не происходит.

Очень важно в этом контексте указать на реальное пробуждение, на его своеобразную литургию, когда развертывающееся и раскрывающееся сознание тождественно не наличному бытию к смерти и к ничто, а к Благобытию. Возможно, для обретения этого сознания Благобытия необходимо прохождение через ужас осознания наличного бытия к смерти. Но именно с таким опытом и может быть связано пробуждение.

Подобное пробуждение обязательно предполагает обращение к собственному преданному и отринутому архетипу – это еще очень важно выдержать и не сойти с ума. Такого типа антропология предполагает, как объяснял Евгений Шифферс, обязательный выход за рамки антропологии «Краткого курса» Иосифа Сталина, в соответствии с которой за гробом ничего нет. Но мы не собираемся поносить Сталина. Как указывал Шифферс, глумление над фигурой Сталина слишком напоминает святотатство Дон Жуана над фигурой убитого им командора после соблазнения его жены. Командор, если над ним издеваться, может прийти назад. И это одна из самых страшных перспектив русской истории. Ведь Сталин – не просто упырь и деспот с психопатологическими отклонениями. Такое понимание советской истории является, конечно же, издевательством над правдой. Оказавшийся внутри кровавой опухоли под названием «Россия», Сталин потащил страну к тотальной мобилизации. Если бы не мобилизация, то дальше – гангрена и смерть исторического тела страны. И поклонимся подвигу этой мобилизации, но одновременно придем в ужас от опухоли.

Итак, начинать здесь приходится с самого главного – Господь не в силе, а в правде. И правда здесь заключается в наличии сферы свободного самодействия, которое предполагает основанную на любви самоотдачу всех своих сил служению Родине. Узурпация и захват подобной сферы, подмена свободного самоопределения внешним принуждением, действием сил социальной иерархии (должностями, постами, местами, страхом наказания) уничтожает сферу свободного самодействия, делает невозможным свободное, основанное на любви служение. Государь – это антропологическая фигура, которая конституирует сферу свободного самослужения. Диктатор, вождь, партийный лидер – это тот, кто придумывает внешнюю прагматическую функцию использования служения, обнаруживает, для чего необходимо служение, создает механизмы насильственного понуждения к героическому действию, эксплуатирует самоотречение, но не культивирует условия воспроизводства служения, поскольку они предполагают личный подвиг самоотдачи с его стороны.

В чем же заключается правда с антропологической точки зрения? Правда, которая могла бы остановить культ личности Сталина – культ хотя и основанный на его героическом действии, но одновременно связанный с расточительным изничтожением чело-

веческого ресурса России. Понуждать внешним образом людей к героизму нельзя, иначе у населения накапливаются не доблесть и удача, но страх.

Сталин воспроизводил светским обыденным образом структуру царской власти. Светская империя, не основанная на идее личного служения, предполагает реализацию антропологии «Краткого курса». Эта антропология отрицает личное духовное бессмертие и требует обязательного посюстороннего воплощения человека в килограммах и метрах. Разрушение заводов, фабрик, зданий разрушает и человеческое бессмертие. Принудительный сталинский подвиг подрывает человеческий потенциал и девальвирует сам подвиг.

Узурпация власти отрицает традицию служения. А поэтому делает возможным вырождение власти. Личная узурпация власти как приоритет индивидуального понимания самого насущного отрицает коллективное творчество во власти.

С точки зрения Шифферса, особой пропедевтической формой пробуждения является неиллюзорное кино, задача которого состоит в том, чтобы попробовать увидеть то, что мы не видим. Вариантом такого трудного кино стал его фильм «Путь царей». Конечно же, подобное пробуждение не может соседствовать с отрясанием праха родителей со своих ног. Именно поэтому в период страстных перестроечных поношений коммунистов и Сталина никто не собирался просыпаться.

Антропология на грани сумасшествия и возможности срыва всех духовно-душевных сил должна чем-то уравновешиваться. Этим уравновешиванием антропологического срыва-усилия, связанного с необходимостью пробуждения, является практика развития.

АРХЕТИПЫ РОССИИ

Россию не разбудить никакой социологической утопией, поскольку в нее надо поверить. А поверить в какой-нибудь социогуманизм или суверенность невозможно, поскольку никто за них не захочет умирать. Сложившийся в России госкапитализм является формой балансирования борющихся за власть и делящих богатство непримиримых групп. Поэтому любой самый блаженный, самый бесребренный

социогуманизм завершается воплем «Приди», обращенным к пока не найденному упырю и кровопийце, который во имя этого самого социогуманизма станет силой сдерживать рвущиеся к дележу богатства группы. Любой социогуманизм замыкается на востребуемую антропологию Хозяина – в этом состоит посюсторонний смысл антропологии «Краткого курса».

Какая социальная идеология, имеющая форму сетевых плюралистических мировоззрений, может сработать сегодня в России? Ну уж, конечно, не идеология абстрактных «измов». Ответом на предъявляемые «измы» будет только сон.

Совершенно очевидно, что это не может быть идеология, изготовленная по типу верования для массового пользования, созданная в период развития массово-поточных производств. Это не может быть некоторый псевдоконцептуальный набор слов, подкрепленный мощными издательскими программами и пропагандистскими кампаниями. Если обыденная уверенность в правоте данной идеологии и ее внутренней полезности для общества отсутствует, то пропаганда не поможет. Пропаганда – необходимый элемент эпохи массовых тоталитарных идеологий. У современной идеологии обязательно должна быть эпистемическая составляющая, обеспечивающая получение новых знаний, а также вера, которая, с точки зрения апостола Павла, есть не что иное, как «обличение вещей невидимых и подтверждение упований».

Американцы верят в то, что Америка является носителем идей свободы и демократии. А во что верить наследникам великого СССР? В то, что мы выиграли мировую войну и разгромили фашизм и что Господь тогда был на нашей стороне. Современная идеология по своему устройству – если она обладает эффективным действием, а не является просто словесными соплями, привязанными к говорящей телевизионной голове, – очень похожа на веру первохристиан. Она имеет не словесно-декларационный, но практический характер. Должны появиться конкретные люди – лидеры сетевых структур, которые совершат выдающиеся действия, чудеса во славу того, во что они верят. Только такая идеология способна обеспечить восстановление позвоночного столба в «бесхребетной России» (Виталий Третьяков). Современная форма идеологии – это конкретные мировоззрения, в эффективности которых можно убедиться, анализируя действия лидеров в сетевых структурах. На формирование подобных мировоззрений и

должна быть направлена мощь современного телевидения, которое только и может оформлять понимание индивидуальных образцов действия у лидеров в сетевых структурах, превращая это понимание в общественно значимое событие. К такой действительно идеологосозидательной работе не очень приспособлены современные ток-шоу с затертыми лицами ведущих.

Антропология служения предполагает очерчивание сферы действия, внутри которой люди добровольно, исходя из внутреннего зова, не конкурируя за власть, предъявляют свой масштаб действий на благо России. И это стремление основано на любви, а не на страхе. Если подобная внутренняя сфера ценностного служения и самодействия удерживается и существует, вокруг нее возможны объединение всего населения и преобразование населения в народ.

Сталинская же антропология предполагает узурпацию этой сферы и подчинение ее внешней необходимости и страху, когда форма понимания этой необходимости расшифровывается для всех остальных одним человеком.

Прикасаясь к прикровенной проблеме великой и таинственной Победы нашего народа над фашизмом, хочется сегодня разделить слитые в реальной жизни два пространства – пространство добровольного самопожертвования и героизма и пространство всеобщего побуждения к героизму на основе культивируемого страха наказания. Понятно, что в Победе было и первое, и второе, но очень хочется приблизиться к одному и освободиться от другого.

Что такое Сталин? Это остановленная персональная событийность русского народа, застывшего в великой точке своей истории. Событийность, исключая историческое участие в ней каждого.

За дерзновением Победы появляется антропологическая фигура Государя, которому можно добровольно служить, воспроизводя в своей душе его духовный подвиг главного подражателя мук Христовых в несении креста власти. Культа личности не возникает только в одном случае – если высшей ценностью данной сверхличности является идея служения, а сама эта личность оказывается не кем иным, как Христомиметом – подражателем действиям Спасителя в Гефсимании и на Голгофе. Об этом, в частности, говорит Борис Успенский в книге «Царь и патриарх. Харизма власти в России»: «<...> в Византии, как и на Западе, монарх при помазании уподоблялся царям Израиля; в

России же царь уподоблялся самому Христу. Знаменательно в этом смысле, что если на Западе неправедных монархов обыкновенно сопоставляли с нечестивыми библейскими царями, то в России их сопоставляли с Антихристом. <...> Смысл помазания в Византии и на Руси оказывается существенно различным: если в Византии Христос помазует царя (василевса), то на Руси царь в результате помазания уподобляется Христу. <...> Это придает поставляемому лицу особый сакраментальный статус – особую харизму. Действительно, как царь, так и патриарх оказываются как бы вне сферы действия общих канонических правил: на них не распространяются те закономерности, которым подчиняются все прочие смертные; они принадлежат иной, высшей сфере бытия.

В результате административные функции главы государства и главы Церкви (царя и патриарха), которые в Византии определялись специальными юридическими установлениями, воспринимаются в России как проявление особой харизмы – харизмы власти. Так юридические полномочия превращаются в полномочия харизматические: симфония власти претворяется в симфонию харизмы».

Здесь бы мы, правда, отметили, что антропологическая харизма тоже является особой правовой формой, но не в структурах писаного закона или каузального права. Личностная харизма выполняет функцию юридического установления в системе естественного права, определяющего самосознание и идентичность населения. А будучи проведенной через литургическое действие – таинство помазания на царство, – она приобретает сакрально-правовой характер. Юридическая, религиозная, воинско-государственная формы пересекаются в конкретном человеке – в определенном личностном образце. Судья, первосвященник и воин как позиции собираются в одной персоне.

Основной вызов XX века заключался в том, что квазихаризматическое почитание, неистовое «искреннее» ликование, верноподданническая аффектация фабриковались сначала на уровне злодейско-геройского самозванства и голой процедуры террористического захвата власти, а затем, при помощи бесчисленных телевизионных «фабрик звезд», – фактически из ничего, на пустом месте. Человека можно выбрать по считалочке из толпы, немножко его подкрасить, а затем через телевизионную систему телешоу превратить в поп-звезду, национального героя, в светоча нации № 1 по экспертному рейтингу, хотя бы этот са-

мый «светоч» не прочитал ни одной книги. Подобная сфабрикованная произвольность лидеров нации и героев, как и их последующее ниспровержение в ничто, иллюстрируют рыхлость сегодняшнего мирового сообщества, или «человеяника», по Александру Зиновьеву. Но в то же время подобная рыхлость создает условия для появления героя – человека, который превзойдет телевизионную запрограммированность. Но на каком поле может действовать такой герой?

На наш взгляд, только на поле архетипов российской истории. Тем более ведь получилась очень странная вещь: Владимир Путин после Бориса Ельцина для огромного числа внешних наблюдателей шагнул в сторону архетипа Сталина. И это при том, что Путин не является ни сталинистом, ни «человеком без души», как его окрестила, попав под волну электорального зуда, Хиллари Клинтон. России опять очень сильно повезло, что первым лицом государства стал человек, равнодушный к власти раболепствования. Усиление его режима было связано лишь с необходимостью восстановить управляемость страной. Но проявление в качестве особого образца личности Путина архетипа Сталина отнюдь не случайно. Пространство памяти сегодня может видоизменяться лишь по двум направлениям: либо выйти за пределы российской идентичности и ликвидировать традиционные способы отождествления населения со своим лидером, либо вернуться к определенному ряду русской истории. Этот ряд тянется от катастрофы февраля 1917 года к развалу СССР и далее – к предрекаемому Збигневом Бжезинским развалу России.

Причем это возвращение не может быть скоморошечьим, опереточно-фиктивным. Не случайно поэтому идентификация, то есть отождествление себя и своего сознания с определенным историческим архетипом, напрямую зависит от степени аутентизма, подлинности. В свою очередь, аутентизм оказывается вторым планом идентификации. И здесь важную роль предельно серьезного, даже трагического трикстера играет Владимир Жириновский, который все время демонстрирует свою глубочайшую осведомленность в том, что на самом деле происходит на политической сцене и за ее кулисами. Вместе с тем его действия основаны на вариативной квазикинематографической идентификации себя то с аскетизмом Сталина, то с гедонизмом держателя ночного клуба. Абсолютная несерьезность действий при абсолютной же сверхсерьезности рефлексии происходящего!

Конечно, это соответствует образу постмодернистского протееобразного индивида, принципиально отказывающегося вообще от любой идентичности, – человек может разыгрывать любые роли. Таким образом, альтернатива состоит в следующем: либо постмодернистский человек из телевидения, вечное *Who is he/she*, либо возвращение к опознаваемым формам персонализированной российской государственности. Многие современные западные мыслители считают, что подобное возвращение к исторической государственной идентичности невозможно в эпоху всеобщего смешения национальных государств. Например, неомарксист Антонио Негри считает, что мы находимся в структуре новой глобальной империи с бесконечным отчуждением фигур власти от жизнедеятельности остальных людей, формирующих другую власть – власть биополитики, не подконтрольной глобально-имперским официальным институтам. Но, на наш взгляд, в России сакрально-историческая память не изничтожена и персонология политической идентичности архетипов российской истории возможна.

Здесь мы вплотную подходим к основной проблеме социогуманитарных наук – взаимосвязи и противопоставлению формализованных общественных институтов и личности. Данная проблема становится особенно явной при рассмотрении действий первого лица страны. Действий, в значительной степени зависящих от окружающих институтов. Изменять себя, сохраняя свой пост и свою позицию, первое лицо может только при одновременной трансформации межинституциональных коммуникаций. Речь в данном случае не идет об обычной ролевой структуре, которая описывается выражением «короля играет свита», но о действительном преобразовании сложившихся форм социальности на основе некоторого культурно-исторического измерения.

Для преобразования сложившихся институционально-организационных форм необходимо понимать своеобразные культурно-исторические архетипы, определяющие то, чем являлась и ныне является Россия. Именно эти культурно-исторические архетипы дают пассионарную энергию действия. Среди таких архетипов:

– понимание России как особого типа пустотности, зоны «отзвучивающей» пустоты, способной поглотить любую определенность и наполненность;

– восприятие России как пути, постоянного движения и трансграничного перехода;

– наконец, постижение российской государственности как формы устройства бытия, удерживающей мировой порядок в целом.

Эти три архетипа не существуют в оторванности друг от друга, между ними имеется связь. Причем именно эта связь делает российскую цивилизацию цельной и определенной. В случае утраты взаимосвязи между названными архетипами каждый из них способен оборачиваться своей противоположностью.

Так, архетип пустотности и незаполненности, открывающий источники творческой энергии и созидания, может рассматриваться как вечная неустроенность, недоделанность, незавершенность, близкая к разрухе, граничащая с мерзостью запустения. В то же время окончательное заполнение пустого чем бы то ни было – товарным изобилием, нормами международного права, плотной инфраструктурой – отнимает творческую спонтанность и энергию преобразования, превращая человека в автомат. Так, разросшаяся и перезаполненная Москва перестает восприниматься как русский город. Конечно, эта идея пустотности, на что обращал внимание Владимир Малявин, очень тесно связана с географической организацией страны – наличием огромных незаполненных пространств, в которые помещен русский человек. Данный социокультурный архетип цивилизационного устройства страны предполагает и определенную форму организации сознания, и определенную форму мышления, действия, коммуникации. Конечно же, отнюдь не случайно для Малявина эта архетипическая для российской цивилизации идея пустотности близка к буддистско-даосской организации сознания. Потеря «Я» и предельное смирение, действие, близкое к недеянию (знаменитое даосское «увэй»), коммуникация в контакте с другим за свою собственную индивидуальность, мышление на сверхвысоких скоростях как способ преодоления медленного, безбрежного, как океан, все подминающего пространства являются отличительными особенностями мыследеятельности в пустоте.

Движущейся, мигрирующей, струящейся является Россия по своей собственной территории – как бы восстанавливающая древнюю форму государственности в виде полюдья, когда князь объезжал подвластные ему территории и при этом механизмом управления являлся сам такой объезд. Собственно, он и формировал территорию

страны – «все, что объехали, все наше». Именно в этом архетипе Россия обнаруживает значительное сходство с Америкой в ее бесконечном полагании фронтиров и пионерском выходе к новой нетронутой wilderness. Самое главное в подобном движении от границы к границе – воля. Именно волевое действие через преодоление и «не могу!» характеризуют данный архетип.

Особую ценность при движении по такому пути приобретает перспективно-ориентированное мышление на основе воображения. Очень важно суметь представить, что там ждет за горизонтом. Подобное мысленное видение того, что находится за горизонтом, может становиться и формой целеполагания. Очень важно, правда, уметь проблематизировать, критиковать сформированное умозрительное видение, быстро отказываться от неверных, придуманных характеристик при попадании в реальную новую ситуацию на пути. Ситуативность мышления, действия и коммуникации является важнейшей характеристикой способов мыследеятельности, соответствующих данному архетипу.

Условием проблематизации являются ситуативное понимание и восприятие принципиально других точек зрения жителей осваиваемых новых территорий. И здесь можно выделить два способа проникновения в неизведанные миры – американский и русский. В первом случае уничтожение коренного населения Североамериканского континента, мешающего отцам-пилигримам с «Мэйфлауэра» отождествить открывшиеся им пространства с Землей обетованной, отнюдь не случайно. Как справедливо замечает Андрей Шушарин, американский способ освоения представлял собой освобожденный от пут государства и сложившейся морали англосаксонский безудержный капитализм. Россия же распространяла на новые земли окормляющую роль государства Российского. И хотя это окормление часто предполагало использование огня и меча, оно не оборачивалось тотальным истреблением населения, не воспринимавшего новый социальный порядок, в частности рыночные отношения. Данный архетип сам по себе, вне его связи с другими архетипами может легко переходить в свою противоположность, превращаясь в бродяжничество и отступничество. Поэтому важнейшим условием сохранения определенности второго архетипа является его связь с третьим архетипом, разворачивающимся вокруг идеи служения.

Служение – это не столько противоположность бунтарства, что само собой разумеется, сколько преодоление сервильности, услужливости (в соответствии со знаменитым грибоедовским «Служить бы рад, прислуживаться тошно»). Поэтому оно и требует высшей правды, каковой является православное царство с царем-Христомиметом, подражателем Христовым крестным мукам. Православный царь по определению является царем-мучеником, который, подражая Христу, борется со смертью. Именно образ царя, помазанного на крестные муки власти, способен заклясть неукротимое бунтарство пустотников-беспредельщиков и бродяг на безграничных русских просторах. Совершенно не важно, что в православном царстве живут и инославные. Православный царь оказывается включенным в их пантеоны (как это было с русскими царями), поскольку действие царя православного царства направлено не на экспансию и покорение других народов, но на преодоление смертности подданных, вошедших в его царство и присягнувших ему на верное служение.

Отсюда православное царство и царь, приобщенный к тайне животворящего креста и крестных мук, являются *удерживающими* мир от апостасии, от предания его тлену и разрушению. Царское служение православного царя, совпадающее с царским служением Христа, царя иудейского, подчеркивает их воинскую ипостась, поскольку Христос является воином, сокрушившим смерть – сошедшим в ад и выведшим оттуда плененные роды поверившего в него человечества. Они были исторгнуты из лона смерти, как только начала действовать молитва присягнувших.

Непременным условием служения является верная память. Именно ее энергия определяет жесткое и точное самоопределение, требующее неукоснительного следования определенным принципам независимо от ситуации, поскольку задача заключается не в том, чтобы силовым образом выиграть, но в том, чтобы сохранить верность принципу. Мышление и коммуникация в соответствии с данным архетипом предполагают постоянную направленность на идеальную сферу, которой может ничего не соответствовать в актуальной ситуации. Понятно, что замкнутость исключительно на данный архетип может привести к фанатизму, к выявлению своеобразной нежизненной слабости лиц, следующих данным путем. Но при наличии связи с двумя другими архетипами – пустотности и пути – архетип служения приоб-

ретают другие характеристики, среди которых, в частности, неизбывная потребность восстановления принципов в постоянно меняющейся ситуации. Следует отметить, что третий архетип выполняет функцию оператора-ключа по отношению к российской цивилизации в целом. Он позволяет ей не распасться на бесконечное число единств-родов, соседств, сообществ. Преодоление смерти удерживает все эти живые общности в едином поле государственности. Таким образом, отпадает необходимость воссоздавать государственность каждый раз снизу, от сообществ, проживающих на конкретных территориях.

Следует отметить, что выделение архетипов, лежащих в основе русской цивилизации, является необходимым условием подготовки к межкультурному диалогу. Поскольку обозначение подобных архетипических ядер позволяет осуществлять цивилизационное распредмечивание и не действовать с позиции эгокультурности, которая и является, по мнению Шушарина, современной формой империализма. Эгокультурность предполагает опору на собственную культуру как на последнее основание во взаимодействиях с другими народами. И в условиях жесткого, непримиримого силового соперничества эти замкнутые культуры могут становиться основанием для критического отношения к цивилизации-сопернику.

Нам представляется, что выздоровление и пробуждение России немислимо без обращения к этим архетипам. В противном случае можно однажды проснуться на Русской земле и американцем, и немцем в результате цивилизационной перевербовки, то есть отказа от собственной цивилизационной идентичности. Но мы работаем на сохранение и восстановление русской цивилизационной идентичности, выступая одновременно против русского «зоологического национализма» (Александр Герцен). Вместе с тем нас не следует воспринимать как сторонников немедленного восстановления монархии в России, поскольку это невозможно. Однако слишком легким выходом стало бы и восприятие протестантской убежденности в том, что все мы цари и первосвященники и удержание позиции царя – это дело нашей внутренней совести. В данном случае мы лишь указываем на некоторую духовную карту, которая демонстрирует, почему перекрыты источники энергии, и которая дает возможность проснуться. Основной проблемой личностного пробуждения людей в России является, конечно же, общественное развитие.

КЕМ ПРОСНЕТСЯ РОССИЯ?

ПРОБУЖДЕНИЕ – ЭТО ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ

Понятно, что вывести формулу развития общества и его государственности ни из указанных архетипов, ни через антропологию первого лица, управляющего страной, напрямую не удастся. Невозможно пробудить общество, просто обращаясь к указанным архетипам России. Эти архетипы и различные формы самоопределения разнообразных общественных групп не войдут друг в друга, как пазлы. Ведь сколько ни складывай общественную самодеятельность, из нее никак не появится российская государственность с самостоятельными бытием и архетипами. Здесь придется достаточно долго идти по неизведанной территории. Собственно, этой промежуточной территорией и является для нас представление о развитии как о мобилизующем действии. В зазор между сегодняшним состоянием общества и культурно-историческими архетипами России и должна быть вставлена практика развития.

Идеей развития сегодня, на наш взгляд, реально пробудить общество и подвинуть его к иному, более активному действию. Очень важно, что перечисленные выше архетипы можно преломить в контексте развития с позиций России. Начать здесь следует с выработки четкого представления о том, что сегодня может собой представлять такое развитие. И действовать в данном направлении можно лишь при условии поддержки проекта развития и его идеологии со стороны населения страны. И хотя сама практика государственно ориентированного развития напрямую проистекает из рассмотренных архетипов, эту практику надлежит отличать от процессов роста, которые при его безграничном усилении в биологических системах оборачиваются страшной болезнью – раком. Такой рост-рак приводит к потере архетипа, обеспечивающего культурную идентичность и, следовательно, определенность данной формы. Нам необходимо развитие с позиций России, поэтому подобная определенность непременно должна сохраняться.

Но сначала несколько слов об обществе развития. Общество развития возможно только вне пространства общества тотального контроля, форма которого, достаточно подробно проанализированная Мишелем Фуко и Жилем Делезом, сложилась за последние 300 лет. Этот контроль, с паноптичностью – всевидением наблюдающего глаза – сближающий тюрьму, психиатрическую лечебницу, армию, боль-

ницу и школу, до сих пор является основным принципом организации самых разнообразных обществ. Причем не только тоталитарных, но и сверхдемократических западных – с их изощренными формами слежки за каждым шагом вплоть до электронной почты. Отсюда, кстати, и специфические фобии тотального контроля, которые оборачиваются добровольной квазипорнографической самодемонстрацией в различных телевизионных шоу. Сведение на нет границы между пространствами публичности и приватности превращает бесстыдство и бестактность в нормы поведения. С созданием новых технических систем возможность наблюдения за инакомыслящими только увеличилась. Но и у инакомыслящих появилась такая же техническая возможность противостоять контролирующей инстанции. Общество контроля – это тотальная парадигма всех сегодняшних общественных систем. И этой парадигме может и должно быть противопоставлено общество развития.

Общество развития отличается от коммунитаризма, провозглашенного Амитаем Этциони, – общества, состоящего из системы общностей, действующих на партнерских основаниях с институтами государства и рынка и обладающих самоуправлением. Создание коммунитарного общества в российских условиях – своеобразного возрожденного земства, состоящего из различных самоуправляемых групп, свободных от произвола чиновников и жесткого администрирования, – представляется иллюзорным идеалом, поскольку остаются неясными в процессах этого возрождения функция и роль российской государственности. Апологеты коммунитаризма с российской спецификой полагают, что от государственности можно на время как бы отвлечься и начать своеобразную практику больших и малых «почвенных» дел. Однако общественные организации, корпорации и негосударственные учреждения могут действовать только в понятной системе координат с институтами государства. Да, в России создан особый институт – Общественная палата – как основа формирования своеобразной гражданской вертикали: Общественная палата в центре и аналогичные структуры в округах, регионах, городах и районах. Но и такая вертикаль, даже когда она будет выстроена, не сможет конкурировать с административно зарегулированным российским обществом контроля.

В отличие от общества контроля в обществе развития созданы инфраструктурные условия для решения общепризнанных проблем

оптимизации страны. Чтобы стать обществом развития, граждане должны участвовать в проблематизации важнейших целей и задач движения на разных уровнях и при участии разных акторов.

Общество развития должно обладать совершенно особой структурой мыследеятельности – способностью к спонтанным решениям, связанным с перешагиванием устоявшихся границ и рубежей, скрупулезным реагированием на вызовы развития для досконального изучения социальной реальности как пространства действия. Приоритетными для общества развития являются те процессы мыследеятельности, которые вырываются за пределы устоявшихся форм понимания, нарушают привычные трафаретные словесные и когнитивные шаблоны и используют перспективные интеллектуальные практики, которые еще не задействованы и не опираются на полномасштабное функционирование общественных институтов. Механизмом согласования опережающего действия и мышления, а также опережающего перспективного мышления и социальной практики являются мыслекоммуникация, основанная на свертоткликаемости на общезначимые проблемы, и последующая рефлексия и понимание складывающейся ситуации. Наличным бытием общества развития является действительно-деятельностное бытие, к которому вырабатывается персонализированное позиционное отношение участвующих в процессах развития групп, общностей, институтов.

Когда мы говорим о проблемах, речь не идет просто о некоторых трудностях, которые социальные «верхи» стремятся все время сбросить на «низы», отнимая у последних желание жить. Под проблемами мы прежде всего понимаем границы достижимой сегодня общественной мощности действия. Важнейшей задачей общества развития является увеличение его мощности действия. Конкретная реализация этой задачи низовыми общностями на разных территориях состоит в увеличении численности семей и плотности поселенческой «ткани». Но для того, чтобы увеличивалась численность семей, люди должны хотеть жить: желание жить и энергетика жизни являются важнейшими ценностями общества развития. Создание условий, в которых появляется желание жить, предполагает построение специальных инфраструктур, позволяющих человеку жить более интенсивно, проживать как бы несколько жизней по сравнению с сегодняшним вялым индивидуализированным, изолированным, а часто и отчужденным

существованием. Подобная интенсивность жизни предполагает повышенную плотность профессионального общения, освоение на протяжении жизни нескольких профессий, приобщение к жизни множества различных, в том числе и зарубежных, сообществ, замыкание на себе значительного числа пульсирующих сетевых структур, освоение новых технологий, участие в строительстве и формировании крупных инфраструктурных объектов – городов, ГЭС и АЭС, транспортных магистралей, более плотную вовлеченность в духовный труд – в получение новых знаний, совершение открытий, создание произведений искусства. Очень часто желание жить и радость от жизни определяются возможностью заглянуть за горизонт и попробовать жить жизнью, которая неизбежно станет массовой лишь через какое-то время, а в отдельных случаях, напротив, – отстаивать и возвращать к существованию ценности и образцы жизни уходящей, которые связаны с осмысленной жизнью, а не с элементарным физиологическим функционированием. С этой точки зрения более интенсивная жизнь – это жизнь, противостоящая астрономическому времени, дерзающая управлять личным и общественным временем.

Создание особой гуманитарной инфраструктуры, инициирующей желание жить, мы связываем с жизнестратегией. Для обеспечения жизнестратегии необходимо ставить задачи, мобилизующие на их решение население всей страны. Здесь мы доходим до важнейшего содержательного замыкания: постановка проблем развития неизбежно должна связывать все уровни принятия решений в обществе. Индивидуальная и групповая интенсивность жизни, конечно же, может быть достигнута в противовес неинтенсивной расслабленной общественной жизни, но в обществе развития интенсивность жизни социума в целом обеспечивается за счет мобилизации на решение прорывных задач всего общества.

В то же время общество развития не является обществом, управляемым отдельными элитами или скрытыми корпоративными «орденами меченосцев», войти в которые можно, а выйти уже нельзя. Стремление различных групп в современном российском обществе сформировать свою закрытую «ложу», принимающую значимые решения и обладающую огромным влиянием, доходит до сумасшествия. Иногда кажется, что члены той или иной группы, приближенной к президенту, едва выйдя за порог его кабинета, стремятся наплодить собственные закры-

тые группы, которые бы осуществляли рефлексивный перехват других закрытых групп. Безусловно, общество развития тоже является обществом рефлексивной борьбы, но оно не должно быть обществом распадающихся кланово-властных групп, каждая из которых строит свои историософию и конспирологию. Прекратить сумасшествие кланово-властного распада может лишь постанова общезначимых прорывных проблем развития. Это означает, что матрица проблем развития должна выполнять общеориентирующую функцию.

Общество развития должно быть не только обществом суверенным, но прежде всего обществом субсидиарным, причем с субсидиарностью восходящей и нисходящей. Поясним, что мы имеем в виду.

Субсидиарность является понятием, введенным Иоганнесом Альтузием в начале XVII века в оппозицию представлениям Жана Бодена о суверенном централизованном государстве. Субсидиарность предполагает, что существует иерархия органов власти и вмешательство вышестоящих органов, обращение к более фундаментальным правовым решениям осуществляется только тогда, когда действие нижестоящих органов на иерархической лестнице управления не срабатывает. Тогда вышестоящий орган реализует свою власть или соответствующую правовую норму. По словам Алексея Автономова, в Европе признается, что классическое определение принципа субсидиарности в современном его значении дал папа Пий XI в энциклике *Quadragesimo anno* 15 мая 1931 года: «Было бы несправедливо и одновременно очень досадно нарушить социальный порядок, если забрать у объединений низового уровня функции, которые они способны выполнить сами, и поручить их выполнение более обширной группе, имеющей более высокий ранг».

Но подобный взгляд характерен для рассмотрения восходящей субсидиарности. Не менее важна субсидиарность нисходящая. В современном обществе действия низовых общностей и корпораций, региональных и локальных объединений неочевидны. Способы их самоорганизации определяются тем, какие проблемы развития всей страны, всего общества, всей цивилизации ставятся как наиболее важные и насущные. Было бы несправедливо лишить высшие уровни государственного управления возможности ставить проблемы развития всей страны – если, конечно, они способны это делать. К тому же постанова подобных проблем позволяет сплотить властные элиты, не дает им распасться на враждебные группы, борющиеся за власть.

Следует также отметить, что задаваемая матрица проблем строго иерархична только с точки зрения уровней исполнительной власти и правовых норм, но с точки зрения выдвигаемых проблем развития она гетерархична, поскольку допускает постановку проблем развития страны самыми разными общностями, корпорациями, объединениями. Если эти проблемы сформулированы адекватно, то они могут быть спроецированы на соответствующий уровень принятия решений. Построение матрицы проблем в обществе развития предполагает одновременное движение сверху вниз и снизу вверх, использование как восходящей, так и нисходящей субсидиарности. Управленческим инструментом общества развития является особая структура концептуальной власти – вертикаль проектов, поскольку проекты являются перспективно ориентированными решениями выдвинутых проблем разного уровня компетенций и полномочий.

Безусловно, общество развития остается обществом состязательности и борьбы, несмотря на матрицу согласованных проблем и вертикаль проектов. Различные состязающиеся группы могут выдвигать свои собственные проекты и сценарии. Очень важно различать при продвижении тех или иных проектов и сценариев в обществе развития стратегичность и стратегемность. Стратегичность связана с приоритетностью определенного набора целей, она предполагает достижение определенного рубежа, реализацию приоритетной цели. А стратегемность означает понимание, что любой стратегический проект включен в сетевую среду взаимодействий с другими группами. Стратегичность – это мыслительная организация действия, а стратегемность – коммуникативно-рефлексивная поддержка действия.

РАЗВИТИЕ КАК МИРОВОЙ СМЫСЛОВОЙ ВЗРЫВ И НОВОЕ ПОЛЕ РОССИИ ДЛЯ ДЕЙСТВИЯ

Мы исходим из того, что развитие является планетарным феноменом, что не бывает французского развития, японского развития, русского развития. Развитие – это всегда универсальный прорыв, затрагивающий все стороны жизни людей всего земного шара, все нации, все народы. Поэтому развитие как национальная идея России предполагает, что именно российская цивилизация первой включается в разработку мо-

дели, предлагающей всему миру особую форму планетарного продвижения. Предметом развития в этом случае выступает мир в целом.

Развитие – это всегда прорыв во всей толще социального бытия, во всех слоях мировой истории, во всех областях духовности. Но для того, чтобы прорвать толщу, необходимо лазерным лучом прожигать точку в определенном месте и в определенное время.

Нас в рамках данной работы интересует возможность инициации процессов мирового развития к временной точке около 2030 года.

Как правило, развитие рассматривается по факту состоявшегося, достигнутого результата. Анализируются след процесса развития и его результат, но не сам процесс как таковой. По Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю, у нас есть способы мышления, которые позволяют выявлять и анализировать результат развития и утверждать, что в таких-то исторических событиях, в таком-то месте присутствовал Welt Geist (мировой Дух) и его действие неопровержимо, но у человечества сегодня нет средств и инструментов управления процессами развития. С этой точки зрения можно говорить, что мы не знаем, что такое развитие, как его иницировать и как им управлять. Собственно, за эту задачу создания практики развития, которая затрагивает все мировое целое, всю планету, и может взяться Россия.

В этом случае, конечно, речь будет идти о развитии мирового целого с позиций русской, российской цивилизации. И в этом случае мы хотя и будем говорить о планетарных изменениях, но определять и описывать будем русское RAZVITIE, а не немецкий Entwicklung, не американский Development, не китайский фаджань, не японский кайхацу и т.п. Безусловно, русское RAZVITIE наложит отпечаток на способы понимания мирового целого и форм организации процессов его развития.

В частности, нам представляется, что RAZVITIE очень близко к религиозной ценности спасения. RAZVITIE предоставляет любой нации возможность присутствовать в мировой истории, а не превратиться в навоз «Вашингтонского консенсуса». RAZVITIE – это секулярная, социально-светская проекция спасения. С этой точки зрения RAZVITIE мессианистично (можно сказать, евангелистично) только в проповеди возможности спасения для каждого. Русская история изнасилована идеей экспорта мировой революции, поэтому очень важно понимать, что RAZVITIE – это совсем другое. RAZVITIE смиренно начинается дома, на своей земле, но оно обязательно захватывает

весь мировой масштаб продвижения. Без него спасение всей планеты, России, других цивилизаций, например от экологической катастрофы, оказывается невозможным.

Разумеется, отношение той или иной цивилизации к мировому целому не может ограничиваться исключительно процессами развития. Не менее важным процессом является воспроизводство. Более того, существование той или иной цивилизации как определенной социокультурной формы напрямую зависит именно от процессов воспроизводства. Разрушение этих процессов приводит к гибели цивилизации.

Поскольку на сегодня нет практико-ориентированных теорий управления развитием, обозначим ряд важнейших онтологических характеристик данного процесса.

Развитие осуществляется в форме взрывного действия. Поэтому управление развитием – это прежде всего управление результатами взрыва, удержание параметров процесса в определенных рамках и освоение получаемых эффектов. Управляет развитием тот, кто создает способы употребления эффектов развития.

Сам процесс развития может быть разделен на три стадии: подготовка развития-взрыва, собственно взрыв и управление эффектами развития после взрывного скачка.

Важнейший момент управления взрывом – инициация самого взрывного скачка, или перехода в новое состояние.

Основная характеристика процессов развития в отличие от преобразований состоит в том, что источники развития не могут быть привнесены извне. Они должны содержаться в самих процессах изменений. Повторяющееся одним и тем же образом изменение в определенный момент должно привести к возникновению другой формы общественных институтов и принципов организации общества. А процесс развития, осуществляемый с позиций российской цивилизации, должен привести к формированию нового цивилизационного уклада.

Само слово «развитие» на разных языках (*Entwicklung*, *Development* и т.п.) содержит определенную понятийную схему-идею развертывания, раскрытия, раскручивания процессов, обладающих самодвижением. Предполагается, что у развития есть некоторое динамическое ядро осуществляющихся процессов самодвижения. Это ядро при некотором повторении данных процессов начинает разворачиваться и осуществлять экспансию. (Еще раз подчеркнем: источник самодвижения содержится в

самых этих процессах и не может быть привнесен извне.) В результате повторения таких процессов изменяется форма их организации. Эта трансформация и может быть описана как переход количественных изменений в качественные, что обычно и характеризует развитие.

Каким ядром должно обладать RAZVITIE для формирования нового цивилизационного уклада с позиций России? Таким ядром могут быть взаимосвязанные институты инновационной промышленности, развивающего образования и фундаментальной практико-ориентированной науки. Собственно, эти три институциональные сферы в своем единстве и образуют полномасштабные производительные силы общества. Именно их взаимосвязь и является современным источником богатства в мире, а отнюдь не финансово-монетарная динамика. Наличие названных институциональных сфер обеспечивает возможность существования любой страны мира в качестве суверенного национального субъекта. И наоборот, отсутствие хотя бы одной из трех институциональных сфер делает страну зависимой от других – подобное государство фактически перестает существовать как полноценный субъект мировой политики. Именно Россия, которая в период существования СССР обеспечивала формирование институтов фундаментальной науки, промышленных производств, среднего и высшего образования во всех союзных республиках, обладает потенциальной возможностью наделения любой страны мира национальной субъектностью. Таким образом, не только сама Россия является суверенным самостоятельным государством, но она способна создавать условия для формирования полноценной национальной государственности для других.

Но обладают ли инновационная промышленность, фундаментальная практико-ориентированная наука и развивающее образование собственным естественным самодвижением, которое и может стать основой развития? Традиционно считается, что самодвижение рыночных капиталистических процессов определяется социальными системами производства, потребления, распределения, обмена и воспроизводства. Но современные формы экспансии этих процессов, поддерживаемые и управляемые институтами финансового капитала, приводят к тому, что за рамками такой экспансии остается воспроизводство – воспроизводство не системы производства, но самой жизнедеятельности людей, форм организации их жизни. Чем больше разрастаются экстерритори-

альные рынки товаров и услуг, тем меньше численность населения на определенных территориях, тем меньше людей, у которых существует устойчивое желание жить. Господство финансового капитала никак не связано с обеспечением и поддержанием жизнестратегии значительных групп населения на конкретных территориях. Биополитика как принцип институционализации власти – принцип, обнаруживающий заинтересованность в жизнестратегии значительных групп населения, – противостоит сложившейся в мире монетаристской и финансовой политике. Можно утверждать, что смысл жизни и желание жить никак не определяются действием существующих рынков. Правда, критики данной точки зрения часто утверждают, что потеря ориентаций и смысла существования происходит отнюдь не из-за экспансии финансово-монетаристских институтов во все системы жизнедеятельности, а по причине невключенности значительных групп населения в систему современных рыночных отношений и институтов.

Да, прикрепленность человека к земле или технологиям, системы практически рабского труда (например, мигрантов на строительных объектах), невключенность в рыночный оборот земельных угодий, природных ресурсов действительно порождают варварские формы эксплуатации человека и природы, отчуждение людей от институтов общества. Поэтому в данном случае создание действующих и работающих рыночных институтов может восприниматься как чуть ли не единственное цивилизационное благо. Но в случае с развитием речь идет совершенно о другом – о выделении условий и ресурсов, которые будут определять переход к следующему этапу бытия общественных систем и производств, к новому технопромышленному и социокультурному укладу. С этой точки зрения если начать распродажу по законам сложившихся рынков научных заделов и технологических решений, которые должны определять производственные платформы и социально-производственные системы будущего (а значит, уже сегодня формировать еще отсутствующие рынки), то это приведет к подрыву собственных возможностей управления будущим, к утрате конкурентоспособности в построении общества будущего. Поэтому разговоры о том, что российская наука не является рыночной и что необходимо вводить специальные механизмы (например, венчурные ярмарки), для того чтобы включать ученых в рыночные отношения, являются принципиально ошибочными. Особенно когда речь идет о формировании технологий, на основе которых могут быть

созданы новые, сегодня пока не существующие системы производств. Технологии, которые являются ядром производственных систем будущего, не могут быть адекватно включены в сложившуюся рыночную динамику. Их цена в системе сложившихся и существующих рынков будет явно занижена. И это понятно, поскольку они определяют формирование еще не существующих сегодня рынков будущего.

RAZVITIE: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАКТИКИ

Фактически то, что предлагается в данном тексте, является не чем иным, как нашей расшифровкой тезиса о превращении науки в непосредственную производительную силу. Такой силой становится своеобразная полисфера, состоящая из трех обособленных институциональных сфер:

- фундаментальной практико-ориентированной науки, обеспечивающей открытие новых физических принципов и перевод их в новые технологии;

- инновационной промышленности, способной переоснащать промышленные платформы новыми технологиями;

- развивающего образования, позволяющего профессионалу осуществлять на протяжении всей жизни личностный рост на основе освоения новых способностей и компетентностей.

Речь в данном случае идет не обо всей науке и не обо всех научно-исследовательских проектно-конструкторских институтах, не обо всей промышленности и не обо всем образовании. Но для того, чтобы эти три элемента интегрировались в единое целое и превратились в общественную силу, производящую будущее, должно быть реализовано еще несколько условий, которые одновременно являются принципами формирования практики, обозначенной нами как RAZVITIE.

Первый принцип следует назвать метапромышленным. Он заключается в том, что на основе единства фундаментальной практико-ориентированной науки, развивающего образования и инновационной промышленности может реализовываться преобразование имеющихся производств и промышленных платформ. Для того чтобы реализация этого принципа стала реальностью, должны появиться специальные метаинституты, которые ставят своей задачей анализ условий функционирования существующих социальных институтов,

форм их организации для последующего преобразования. Отраслевая структура промышленности должна быть заменена более эффективной для диффузии передовых технологий из одних производств в другие – кластерной. В частности, наряду с другими типами может быть выделен метапромышленный кластер. На его основе создается промышленность по преобразованию существующих типов промышленности. Промышленность для перевооружения существующей промышленности мы и называем метапромышленностью.

Метаинституциональное познание и преобразование существующих систем промышленности оказываются возможными, если реализуется **второй принцип** развития – эпистемотехнологический, знаниево-рефлексивный. В соответствии с этим принципом существующие промышленные активы, социальные институты могут быть представлены двояко. С одной стороны, как системы, обменивающиеся знаниями (научно-предметными, инженерно-техническими, технологическими, нормативными, правовыми, методическими, гуманитарными, социальными, историческими, рефлексивными и пр.), внутри которых происходит оборот нового знания, постановка проблем как форма фиксации отсутствующего знания в соответствии со знаменитым принципом Николая Кузанского о знающем незнании. С другой стороны, сама существующая организация социальных институтов тоже определяется имеющимся знанием об их устройстве. Это оказывается возможным, если у нас есть онтологические представления об устройстве общественных практик и способах их преобразования. В работах двух недостаточно оцененных (причем целенаправленно) выдающихся методологов Жюль Делеза и Георгия Щедровицкого была решена проблема взаимосвязи процессов мышления и структуры знания. Русским философом и педагогом Василием Давыдовым процесс прослеживания условий происхождения знания был опознан как понятие.

Если видеть, что все системы производств, все типы научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов, все системы воспроизводства и потребления устроены как деятельность, как взаимосвязь процессов мышления, действия и коммуникации, то есть как мыследеятельность, то знание устройства производства освобождает человека от необходимости это производство осуществлять. По Иоганну Готлибу Фихте, если Я (Ich) знает, как устроено действие, то

действие можно не осуществлять. Следовательно, знание про мыследеятельность позволяет свертывать в своем устройстве организацию реальных практических систем, а затем проектировать следующий шаг их преобразования. Наличие знания про устройство знания и знания про мыследеятельность позволяет перейти от информационных технологий к эпистемическим технологиям, внутри которых семантические процессы понимания позволяют восстанавливать позицию, с которой передается то или другое знание. В настоящее время первые попытки создать на основе информационных технологий эпистемические технологии, эпистемозидетику – практику визуального представления знаний – предприняты автором настоящего текста и его коллегами, в результате чего сложилось определенное видение эпистемотеки – особой коммуникативно-репрезентационной систематики знаний. Замена информационных технологий эпистемотехническими будет означать революцию в телекоммуникационных системах, поскольку это резко облегчит как процесс выработки нового знания, так и трансферт новых социально-производственных технологий из одних областей в другие.

Третий принцип формирования практики под названием RAZVITIE мы называем жизнестратегическим. Он сводится к тому, что создание новых производств должно способствовать наращиванию мощности процессов жизнедеятельности и народосбережения. Это оказывается возможным, если произойдет переоценка стоимости типов труда и самыми дорогими типами труда станут: стратегическая деятельность, основанная на гуманитарном лично-субъективном немеханизированном компоненте; труд, связанный с заботой о человеке (рождение и выхаживание ребенка, лечение больного, уход за старым человеком); труд по воспроизводству природных ресурсов; организационно-управленческий труд; наконец, имагинативно-визионерский труд, лежащий в основе осуществления открытий. Для того чтобы эти типы труда были эффективными, то есть оплачивались в соответствии с их стоимостью в общей системе создаваемой общественной стоимости, должны быть реорганизованы другие типы механизированного труда. Новые формы организации производств и перспективные типы поселений должны создаваться исходя из задач увеличения плотности поселений на территориях. Речь идет не о том, чтобы создать новые замкнутые, за-

капсулированные, закрытые городки, в которых будут формироваться альтернативные стили жизни. Хотя в то же время формирование производств нового технопромышленного уклада и перспективных поселений нового социокультурного уклада вызовет метапромышленную реурбанизацию, которая способна дать вторую жизнь проектам ЗАТО, интеллектуальных технологических деревень – только теперь в открытом формате: новая архитектура, новые условия и конкурентоспособные стили жизни, труда и накопления.

Реализация жизнестратегического принципа развития очень тесно связана с **четвертым принципом** – антропологическим, – в соответствии с которым ценность для жизни того или другого места определяют сами люди. Именно они оживляют историю в данном локусе и создают там притягательный образ жизненной стилистики, осуществляют ребрендинг такой территории. Они осуществляют кросс-культурный менеджмент и привлекают к процессам соразвития людей, живущих в других странах, на других континентах, принадлежащих другим цивилизациям. Только укорененное в культуре и истории данного места сознание может создавать условия для месторазвития. И здесь RAZVITIE предполагает привлечение в различные регионы России так называемых сверхкомпетентов на основе интеллектуальной миграции. Для создания производств следующего поколения могут быть приглашены соотечественники (как правило, ученые, уехавшие 10–15 лет назад за рубеж, либо менеджеры, способные работать в условиях открытой экономики и понимающие, как функционируют зарубежные и отечественные организации), которые владеют новыми технологиями. Безусловно, интерес этих людей будет продиктован стремлением стать собственниками вновь создаваемых интеллектуальных производств, а также спроектировать и построить принципиально новую современную инфраструктуру жизни. Образцы подобных решений могут стать ориентирами для готовой рисковать отечественной молодежи. Создание новых производств и на их основе новых активов открывает путь к приватизации совершенно иного типа, нежели дележ старого советского наследия. Очень важно не дать заполнить пустующие сегодня пространства устаревшими решениями. Пустота и незаселенность многих российских территорий оказываются очень важным преимуществом, позволяющим фактически с чистого листа выстраивать здесь новый тех-

нопромышленный и социокультурный уклад. Кроме того, RAZVITIE как мировой феномен оказывается возможным только в том случае, если будет осуществляться межцивилизационный диалог и в проекты производств нового для всего мира уклада окажутся втянутыми представители других цивилизаций.

Наконец, последний, **пятый, принцип** – сценарно-объективационный, предполагающий опережающее введение представлений о том, что могут собой представлять эффекты развития. Одним из способов подобного введения является разработка новых форм счетности. Такие формы позволили бы заранее экономически оценивать эффекты развития и получать информацию о том, какие финансовые ресурсы необходимо привлечь для их получения. Данную очень важную работу продельывает в настоящее время Институт счета под руководством Андрея Анисимова. В то же время этот принцип требует разработки новых средств управления развитием в виде сценариев развития регионов, госкорпораций, отраслей, общественных структур. Эти сценарии развития, которые призваны заменить абстрактные стратегии как формы декларации целевого направления движения, должны представлять собой сценарии своеобразных вариативных операций. Сама структура сценариев инициации и управления развитием представляет собой коммуникативную оболочку, внутри которой находятся проекты.

Реализация названных пяти принципов делает RAZVITIE самоотсылочным, самореферентным процессом. Это не догоняющее развитие, когда существует образец, в направлении которого выстраивается процесс движения, и не опережающее развитие, когда задается граница, которую необходимо перешагнуть. Самореферентное RAZVITIE также не является изолированным процессом, поскольку оно предполагает создание таких плацдармов действия на территории своей страны, которые затрагивают практически все мировые институты. Такое RAZVITIE задает смысл жизни в России для многих людей – складывая новый цивилизационный уклад для себя и для всего человечества, Россия спасает мир. Если в России обнулить и сделать невозможной и неэффективной фундаментальную практико-ориентированную науку, развивающее образование и инновационную промышленность (то есть ядро, лежащее в основе формирования нового цивилизационного уклада), в такой стране нельзя будет жить.

RAZVITIE И ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ ПРОЕКТОВ

После 3 января 2008 года, когда цена нефти на Нью-Йоркской фондовой бирже достигла 100 долларов за баррель, а стоимость тройской унции золота превысила максимум 1980 года, возникло острое чувство беспокойства за молодую российскую государственность. Прохождение через кризис, тем более через кризис жесточайший, всегда связано с обновлением. В последние годы новый росток тысячелетней российской государственности уверенно набирает силы. Но выдержит ли он испытания, которые обрушатся на него в XXI веке?

Ответ на этот вопрос зависит от многих факторов. Будет ли продолжен курс Владимира Путина, который обрел свою определенность лишь совсем недавно? Как употребит наследие Путина его преемник? Какие конкретные рубежи надлежит взять России в процессе ее развития? Какую стратегию и какой сценарий станет реализовывать наша страна на международной арене?

Курс Путина – это реализация двух важнейших шагов президента: введения проектного управления страной (комплекс национальных проектов) и утверждения России на мировой арене в качестве самостоятельной цивилизации (мюнхенская речь). Проектное управление предполагает, что у России есть своя собственная стратегия действия в глобальном мире и нормативное видение того, куда должен двигаться этот непредсказуемый мир. Цивилизационный суверенитет России означает, что любые нормы западной демократии и международного права всегда должны преломляться через социокультурные особенности и традиции нашей страны.

Оба названных шага кардинально переформатировали практику управления страной. Лучше всего это изменение может быть выражено словосочетанием «курс ВВП» – «курс Всероссийской Вертикали Проектов». Мы утверждаем, что курс ВВП является последовательной и строгой методологией управления страной. Точно так же, как через две точки в евклидовой геометрии можно провести только одну прямую, эти два действия президента предопределяют целостную политическую реальность.

Для совершенствования подобной методологии управления, за которой стоит и определенная идеология развития российского общества, мы предлагаем создать институт содействия курсу ВВП. Задача такой

структуры – предъявление названной методологии в качестве действенного инструмента для разных уровней власти и для разных участников хозяйственно-экономической деятельности. Такая методология должна реализовываться не в безвоздушном пространстве, но в сложившихся условиях противоречивого мирового целого, в котором, по выражению бывшего президента США Билла Клинтона, «внутренняя политика непосредственно переходит во внешнюю, а внешняя – во внутреннюю».

Если данная методология не найдет себе применения, то произойдет следующее:

- в России при отсутствии единого сценария развития продолжится острая борьба нескольких властных групп;

- Россия останется запертой в абстракции мультиполярного мира на вторых ролях;

- вместо технологического перевооружения госкорпораций произойдет проедание финансовых накоплений;

- вместо регионального развития и освоения территорий российского Севера и Дальнего Востока стремительно разрастаться станет лишь «опухоль Москвы»;

- будет ликвидирован в силу естественного старения кадров институт фундаментальной науки;

- СНГ окончательно выродится во враждебный России лимитроф.

Сегодня США стремительно утрачивают статус единственной сверхдержавы. Происходит дальнейшее ослабление американского доллара как мировой валюты. Поддержка лозунга о многополярном мире, сформулированного Китаем в конце 1970-х, невыгодна для России, так как многополярность означает войну всех против всех. Этот лозунг устраивает Китай, поскольку он позволил реализовать его заветную мечту – догнать США и СССР. Концепция многополярного мира не устраняет острых противоречий между наиболее развитыми странами. Зажатая правовыми нормами «правильной демократии» между «молотом» Евросоюза и «наковальной» США, отрезанная от влияния на развивающиеся страны Африки и Южной Америки Китаем, более притягательным для бедного населения земли, Россия в ситуации многополярности попадает в ловушку. Выход же здесь только в одном – в переходе к программам опережающего развития, предложении схем и образцов подобного развития всему миру, создании реальных плацдармов такого способа движения.

Формирование плацдарма опережающего развития тесно связано с проектом новой мировой финансовой системы. Для опережающего развития необходимы новые инвестиционно-кредитные институты, которых сегодня еще нет. Просто так Россию никто не допустит к участию в реформировании мировой финансовой системы, поскольку такое участие – ключ к получению сверхдоходов, которые ныне контролируются мировыми финансовыми семьями. В круг этих семей, имеющих капиталы, достаточные для получения членского билета на вхождение в мировой финансовый клуб, Россию никто не пустит. Что же в этой ситуации делать? Считать, что Россия не имеет права на сверхдоходы? Что ее удел – сырьевой придаток Запада?

Выход здесь может быть в том, чтобы силами института содействия курсу ВВП предложить инфраструктурный проект, выгодный целой группе финансовых институтов и семей. То есть задача заключается в разрыве замкнутого круга мировых финансовых воротил. В качестве конкретных действий в рамках такого инфраструктурного проекта можно назвать, например, создание трансконтинентального коридора развития, соединяющего Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию с Европой. Основу этого трансконтинентального коридора составят транспортные коммуникации – модернизированный Транссиб и скоростная дорога через Сахалин на Хоккайдо. Стоимость подобного коридора – около трех триллионов долларов. А его выгодность для многих финансовых семей обусловлена формированием долгосрочной линейки вложений и, следовательно, сохранением и наращиванием капиталов через инвестиции в будущее.

Парадоксально, но факт: в условиях крайней нестабильности мировых финансовых рынков вложения в будущее России могут оказаться успешным способом страхования от финансовых рисков. То есть, по сути, это возобновление проекта Сергея Витте, но на иной основе. Если Витте стремился продемонстрировать всему миру принципиальную возможность построения Транссиба силами русских финансистов и инженеров, то созданием трансконтинентального коридора развития Россия заявит о себе как об эффективном менеджере, способном от имени всего человечества управлять мировыми деньгами, на которые будет реализовываться этот проект, и наращивать общепланетарное богатство. Собственно, к осуществлению данного проекта и может быть привязана реформа мировой финансовой

системы, поскольку для создания трансконтинентального коридора должен быть создан новый финансовый клуб, обеспечивающий его стабильное инвестирование.

Проект трансконтинентального коридора развития – вовсе не очередная афера для чахлой российской ресурсной экономики, но локомотив ее продвижения в будущее. Это означает, что данный проект должен потянуть за собой национальные проекты, которые, в свою очередь, начнут продвигать региональные проекты переселения российских территорий и стимулирования частных предпринимательских инициатив.

Создание трансконтинентального коридора развития позволит сформировать в России новый цивилизационный уклад, основой которого станет возможность выстраивания в любой стране мира при помощи России полномасштабных производительных сил, включающих фундаментальную практико-ориентированную науку, развивающее образование и инновационную промышленность. Инфраструктура подобного цивилизационного уклада стала формироваться в рамках ШОС при активном участии Китая. Собственный проект планетарного масштаба мог бы оказаться для России ядром максимально выгодного нам цивилизационного уклада, обеспечивающего аккумуляцию ресурсов государств СНГ (природных, технологических, знаниевых, людских) в рамках ЕврАзЭС для освоения Дальнего Востока, северных циркумполярных российских акваторий, пустынных среднеазиатских территорий. Трехсотмиллионное население постсоветского пространства образует самодостаточный устойчивый рынок, на котором могут первоначально апробироваться важнейшие финансово-экономические инициативы перед их продвижением на другие рынки. Проект нового цивилизационного уклада позволит еще четче разграничить две конкурирующие модели мироустройства – модель Путина и модель Буша.

Условием самореферентного развития, создающего основу нового цивилизационного уклада, является технологическое перевооружение российских госкорпораций. В этом начинании следует выделять четыре собственные вертикали проектов – технологическую, кадровую, финансовую, эпистемическую (знаниевую). Для того чтобы формировать новые технологические комплексы, модули и элементы, из которых могут монтироваться промышленные технологии, обеспечивающие производство товаров и услуг, должна появиться координационная система управления, которая разрабатывает весь набор технологических моду-

лей и их сочленений, а также связывает эти технологические комплексные решения с кадрами, финансами, знаниями. Новые технологические модули могут быть созданы только с помощью фундаментальной практико-ориентированной науки, а также проектно-конструкторских центров, обеспечивающих перевод новых технологических решений в опытно-экспериментальные производства. Если новые технологии для перевооружения производств не будут созданы, то значительные финансовые средства из Стабилизационного фонда в виде денежного вала перетекут в потребительские расходы, вызвав колоссальную инфляцию. Вместо индустриального перевооружения произойдет банальное проедание накопленных средств.

Новая волна индустриализации возможна только с помощью постиндустриальной эпистемотехнологической методологии. Всероссийская Вертикаль Проектов и является такой методологией, позволяющей на основе знаний о деятельности выдвигать правильные решения и отслеживать их результаты.

Первооружение российских госкорпораций требует четкой оценки и точного учета всего набора ресурсов – не только финансовых, но и технологических, кадровых, эпистемических, природных. Условием накопления и использования этих ресурсов является управление процессами их воспроизводства. Важнейшей для России по-прежнему остается проблема народосбережения, увеличения человеческих ресурсов. Постановка данной проблемы предполагает выход за рамки общепринятого экономического языка, на котором в принципе не может быть описано воспроизводство систем жизнедеятельности. Здесь требуется язык Всероссийской Вертикали Проектов – разработка перспективных типов поселений и инновационных форм занятости для молодежи. Вопросы воспроизводства жизнедеятельности, поддержание желания жить относятся к сфере биополитики, не формулируемой на языке показателей финансового капитала и институциональной экономики. Мы предложили переводить этот термин на русский язык словом «жизнестратегия». Жизнестратегия – важнейший показатель безопасности страны. Она требует новых подходов к организации работы Совета безопасности – проблематизации безопасности на основе развития, утверждения жизнестратегии как важнейшего принципа обеспечения национальной безопасности, анализа комплексной мощи государства на основе учета гуманитарных индексов и пр.

Формирование нового цивилизационного уклада предполагает выработку четкого ответа на вопрос, какую согласованную линию будет проводить руководство России для экспансии отечественных корпораций в другие страны мира. В эпоху динамических, «движущихся» активов, которые могут переезжать из страны в страну, хаотическая покупка всего, что попадет под руку – кондитерских французских магазинов, алмазных рудников, автозаправочных станций, – выявляет отсутствие мысли и плана. На данном направлении необходима координация всех ресурсов для собирания Русского мира, покупка активов за рубежом, трансферт институтов науки в третьи страны и многое, многое другое. Вместе с тем именно Россия способна организовать под своим руководством несколько принципиально новых прорывных проектов в космических исследованиях, электронике, лазерах, биотехнологиях воспроизводства жизни. Это возможно только на основе выстраивания замкнутого проектного контура, поскольку перенос стратегических активов в другие страны должен быть связан с развитием данных активов в России.

Сегодня налицо несогласованность разных видов и типов управленческой мысли: разорванность спонтанных (так называемых рыночных) и планирующих инстанций, разделенность всевозможных региональных и корпоративных стратегий, социальных сценариев и форсайт-инициатив. Необходим метод, который позволил бы восстановить управленческий разум у параноидально-рыночного государственника.

Взаимосвязь и координация стратегий, сценариев, программ развития и проектов должны обеспечиваться за счет особого средства – специального методологического языка Всероссийской Вертикали Проектов. Смысл этого языка состоит в следующем. Существующую систему институтов и способы их взаимодействий в рамках сложившейся российской экономики необходимо каждый раз анализировать с точки зрения постановки проблем определенного уровня и превращать их в предмет целенаправленных преобразований. Подобного рода преобразования и являются действием, обеспечивающим решение сформулированной проблемы. Таким образом, ВВП – это прежде всего определяемые уровни, в компетенции которых находится использование власти для постановки и решения конкретных проблем. ВВП становится одним из механизмов концептуальной власти. Собственно, постановка проблем является формой вырабатываемого

знания о сложившихся и действующих социально-производственных системах в России, которые требуют постоянного анализа и оптимизации процессов функционирования.

ВВП с точки зрения конкретного механизма действия является не застывшей системой иерархии принятия решений, но гибкой гетерархией (системой конкурирующих динамичных иерархий). Поскольку первоначально выделенные уровни проблем в виде остова ВВП могут пересматриваться при постановке конкретных задач. В этом случае, например, на региональном уровне при построении программы развития конкретного региона могут более точно и более реалистично ставиться проблемы национального и транснационального уровней.

При подобном подходе Всероссийская Вертикаль Проектов выступает в качестве визуального языка формирования новых представлений, а не завершенной модели устройства власти. Конкретное использование данного языка предполагает организацию коммуникаций между основными позициями и субъектами, реализующими определенные цели развития страны. Для отработки подобного языка необходимо проведение специальных сессий по позиционно-ролевому моделированию принимаемых решений на уровне важнейших внешнеполитических сценариев, программ и стратегий развития корпораций, региональных программ развития, сценариев формирования новых рынков и т.п.

В дальнейшем необходимо создание государственной эпистемотехнической корпорации, которая должна обеспечивать все российские корпорации, ведомства и региональные администрации новыми знаниево-операциональными системами управления. RAZVITIE как продукт такой эпистемотехнической корпорации и должно стать той волной, которая определит новое лицо России и новое лицо мира в 2030 году, накроет и подчинит себе волну информационных технологий.

Возможность инициации и складывания процессов, обозначенных нами как RAZVITIE, с позиций России к 2030 году связана прежде всего с самосознанием и идентичностью живой формирующейся субъектности. Эта возможность может быть упущена и растрчена. В таком случае вместо футурологии живой субъектности нам, возможно, потребуется институциональная патологоанатомия. Но это уже другой жанр исследования и другая работа.